

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

Издается с 1979 года

Выпуск 7

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ЦЕЛОСТНАЯ СИСТЕМА

Межвузовский сборник

Под редакцией проф. Л. В. Сидорченко

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

braries. Boston, Mass, 1970; Indice generale degli incunaboli delle biblioteche italiane (IGI). Vol. IV. Roma, 1965; *Ley K. Die Dr?cke von Petrarca's «Rime», 1470-2000.* Olms, 2002.

⁵ В данной работе различия между книгой лирических стихотворений и сборником не рассматриваются как принципиальные.

⁶ П. Petrarca, col commento di m. Sebastiano Fausto da Longiano. . . . Bindoni e Pasini, Venezia, 1532.

⁷ *Дарвин М. Н.* Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово, 1983. С. 14.

⁸ Понятие поэтического контекста, которое в современной науке определяет понимание природы лирического цикла, позволяет рассматривать сборник или книгу стихов как его разновидности.

⁹ *Дарвин М. Н.* Указ. соч. С. 14.

¹⁰ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 116.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Алтамина В. Д.</i> Теория и практика как целостная система в романе маркиза д'Аржанса «Тереза-философ»	3
<i>Амцыферова О. Ю.</i> Проблема художественной целостности в постмодернистском тексте (на материале метапрозы Дж. М. Кутзея)	14
<i>Асташищев А. Г.</i> «Элегия» И. В. Гёте: замысел и его воплощение	24
<i>Бурова И. И.</i> Системные отношения части-целого в английских сонетных секвенциях 1580-х — начала 1590-х гг. (к проблеме правомерности отождествления понятий «секвенция» и «цикл»)	34
<i>Владимирова А. И.</i> Сборник рассказов М. Пруста «Утехи и дни» как тематическое и художественное единство	43
<i>Горикова Е. А.</i> Сюжетно-образная система романа У. Эйнсворта «Джек Шепард» в контексте его художественного единства	49
<i>Делазари И. А.</i> «Поиски цельности», «контрапункт» и «свет в конце тоннеля»: роман У. Фолкнера «Свет в августе»	58
<i>Дужлау А. В.</i> Художественное своеобразие «Диалогов мертвых» М. Прайора: жанровая форма в контексте философской проблематики	68
<i>Дьяконова Н. Я.</i> Единство и многообразие в поэме У. Вордсворта «Прелюдия»	77
<i>Дьяченко И. А.</i> Стихотворение У. Х. Одена «Whither?» как смысловое, композиционное и стилистическое единство	85
<i>Зеленко Т. В.</i> К вопросу о художественной системе повести И. Уэлша «Итиной»	93
<i>Исламова А. К.</i> Роман А. Мердок «Зеленый рыцарь»: субъектные планы повествования в системе жанровой организации текста как художественного целого	103
<i>Каминская Ю. В.</i> Жизнь умерла, да здравствует искусство! Роман П. Штамма «Агнес» в поэтологической перспективе	113
<i>Климова А. Я.</i> Роман Б. Пим «Неподходящая привязанность»: от замысла к воплощению	124
<i>Ковалев К. В.</i> Единство идейного и художественного в символическом романе А. Боала «Буря»	133
<i>Корепанова А. Ю.</i> Внутренний повтор и его функция в формировании художественной целостности стихотворения Р. Киплинга «Мэри Глостер»	143

ББК 83
Х98

Редакционная коллегия: доц. А. В. Белобратов, доц. И. И. Бурова,
проф. И. В. Лукьянец, проф. Л. В. Сидорченко (отв. редактор)
Рецензенты: д-р филол. наук, проф. Г. В. Стадников (Рос. гос. пед. ун-т
им. А. И. Герцена), д-р искусствоведения проф. И. В. Ступиников
(С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
факультета филологии и искусств
С.-Петербургского государственного университета*

Художественный текст как целостная система:
Х98 Межуз. сб. / Под ред. проф. Л. В. Сидорченко. — СПб.:
Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 307 с. (Проблемы истории за-
рубежных литератур. Вып. 7.)
ISBN 978-5-288-04796-1

Сборник (вып. 6 вышел в 2004 г.) включает статьи, посвященные
восприятию и трактовке художественного текста — одной из ключевых
проблем современного литературоведения, интерпретируемой на мате-
риале произведений зарубежных литератур, в том числе австрийской,
английской, американской, немецкой, датской, французской, шведской,
итальянской, испанской, португальской, швейцарской, латиноамерикан-
ской и южноафриканской. Выделенные аспекты возможной трактовки
текста открывают перспективу для выявления характерных черт твор-
чества писателей разных эпох (от Возрождения до наших дней) и на-
правлений.

Книга предназначена для специалистов-филологов, студентов фило-
логических факультетов и всех интересующихся проблемами истории и
теории зарубежной литературы.

ББК 83

ISBN 978-5-288-04796-1
© С.-Петербургский государст-
венный университет, 2008

В. Д. Алташина

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КАК ЦЕЛОСТНАЯ СИСТЕМА В РОМАНЕ МАРКИЗА Д'АРЖАНСА «ТЕРЕЗА-ФИЛОСОФ»

Роман «Тереза-философ, или Мемуары, относящиеся к истории
отца Диррага и мадемуазель Эрадис» (1748), традиционно припи-
сываемый маркизу д'Аржансу, вышел после таких показательных
для этого автора произведений, как «Философия здравого смыс-
ла, или Философские размышления о ненадежности человеческих
знаний» (1737), «Мемуары, служащие для истории ума и сердца»
(1744), «Моральные и критические письма о различных состояниях
и занятиях людей» (1738–1747). Все они представляют собой про-
светительские трактаты о природе человека и правилах общежи-
тия, и можно предположить, что высказанные в них соображения
получат в романе дальнейшее развитие.

Роман начинается с небольшого вступления, в котором героиня
и рассказчица Тереза, девушка из буржуазной среды, объясняет,
как возник его замысел. Некий граф, ее возлюбленный и покрови-
тель, просит ее записать историю мадемуазель Эрадис и достопо-
чтенного отца Диррага, равно как и приключения госпожи де С***
и аббата Т***, которым она стала свидетельницей. Далее опреде-
ляется цель труда — научить, просветить, воспитать других, принеся
тем самым пользу обществу («общественное благо» не раз будет
упомянуто в дальнейшем) — и раскрывается структура повествова-
ния, которое будет постоянно колебаться между «поступками» и
«рассуждениями». По словам героини, «действия одних и мудрые
рассуждения других» раскрыли ей глаза на предрассудки юности;

© В. Д. Алташина, 2008

таким образом, уже в самом начале «приключения», «поступки», «примеры» поставлены в один ряд с «метафизическими размышлениями» и «мудрыми рассуждениями»¹. Сразу же определена и роль графа — «благотельца», от которого у «нежной Терезы», находящейся благодаря ему на «вершине блаженства», нет никаких тайн и к которому она постоянно будет обращаться на протяжении всего повествования, чередуя рассказ и дискурс, а заявленная с первых слов тональность живого эмоционального разговора («Как, сударь, неужели Вы всеерьез хотите, чтобы...») будет выдержана во всем тексте. Во вступлении названы основные герои, распределенные попарно — мадемуазель Эрадис и отец Дирраг, распределенные попарно — мадемуазель Эрадис и отец Дирраг, госпожа де С*** и аббат Т***, граф и Тереза; здесь же определены хронологические рамки повествования — от «раннего детства» героини до того времени, когда она достигает зрелости и «вершины блаженства». Таким образом, полстраницы текста оказываются крайне емкими: автору удалось вложить в них всю основную информацию о сюжете и построении своего произведения.

Важность первой части названия — «Тереза-философ» — подтверждается структурой романа: он начинается и завершается размышлениями Терезы, которые служат не только своеобразной рамкой, но продуманно распределены по всему тексту, так что за всеми важными «примерами» и «поступками» следуют вытекающие из них выводы.

Хотя роман поделен автором на две части, есть все основания, как это делает в своем предисловии Р. Труссон², говорить о трех: вторая часть объединяет как историю прятельницы героини, бывшей куртизанки Буа-Лорье, так и продолжение истории самой Терезы. Такое трехчастное деление подтверждается в структуре романа тем, что в первой части Тереза преимущественно наблюдает, во второй — слушает, а в третьей приходит к своему жизненному идеалу: тезис — антитезис — синтез. В первой и последней частях мы слышим голос самой героини, а во второй рассказ ведется от лица Буа-Лорье; тем самым повествование четко делится на период до знакомства Терезы с графом и после.

Вторая часть занимает особое место как в структуре романа, так и в силу собственной специфики, и дело не только в том, что в ней появляется «другой голос», а в особенностях ее содержания и строения. Буа-Лорье, желая посвятить свою юную подругу во все разнообразие причудливых вкусов мужчин, излагает произошед-

шие с ней истории без какой бы то ни было последовательности и хронологии. Эту часть вполне можно было бы назвать «списком» Буа-Лорье: прятельница Терезы раскрывает ей странные вкусы «духовенства, военных, судейских и финансистов» (634), но интересуется не социальными типами, а сексуальные «странности», каждая из которых выделена в отдельную главу. В названиях глав широко представлено лексическое поле «необычного» («необычное», «оригинальное», «особое», «странное», «мания»). Не случайно знакомство Терезы с ее нынешним покровителем происходит после рассказа Буа-Лорье: граф вводится в роман как антипод всем сексуальным странностям, постепенно приобретаая героиню к идеальным отношениям между мужчиной и женщиной. Вся эта весьма неприглядная галерея мужчин выгодно оттеняет достоинства графа, чья спасительная роль в жизни героини подчеркивается при помощи «двойного регистра», когда рассказчица, забегая вперед, восклицает: «Счастливейший день! Без Вас, без Ваших советов, без нежной дружбы и искренней симпатии, которые нас с самого начала соединили, мое падение было бы неизбежно» (646). Философское осмысление Терезой чужого эротического опыта постепенно готовит ее к счастливой жизни с графом, которая длится уже 10 лет, — так в процессе чтения высвечивается смысл названия романа.

Остановимся подробнее на эпизоде с отцом Диррагом и мадемуазель Эрадис. Вынесение напуганнейшей в свое время истории в название произведения, скорее всего, преследует одну цель — привлечь внимание читателя. Действительно, за анаграммами «Дирраг» и «Эрадис» без труда угадывались имена отца Жана-Батиста Жирара и Мари-Катрин Кальер (Digrag — Girard; Eradise — Sarradise) — героев процесса, который в 1731 г. взбудоражил всю Францию. Обрисуем в общих чертах события. Отец Жирар, блестящий проповедник, стал духовником двадцатилетней Кальер, экзальтированной девицы, мечтавшей о святой жизни, подвергнувшей себя длительным постам, утверждавшей, что ее посещают видения, а на теле появляются стигматы. Смущенный таким обилием чудес, он заподозрил обман и направил ее в монастырь, где она избрала себе нового духовника, яansenиста, вместе с которым подала жалобу на отца Жирара, обвинив его в том, что он овладел ею, прибегнув к колдовским чарам. Процесс был долгим и запутанным, став предметом многочисленных памфлетов, сатир и комедий³.

Об этом процессе д'Аржанс пишет и в своих «Мемуарах», замечая, что хотя вся Европа о нем говорит, мало кому известна суть дела; он же видел все «самое тайное», беседовал со свидетелями, так что «ничто не скрылось от его любопытства»⁴. Здесь следует сказать, что в романе «Тереза-философ», автор которого саркастически издевается над всяческими чудесами, дается «естественное» объяснение и «хлыста Св. Франциска», и того, каким образом появились стигматы на теле девушки. Что касается «Мемуаров», то в них почти на двадцати страницах следует подробное изложение дела, однако здесь мы не найдем пикантных подробностей, о которых рассказывает Тереза. Но хотя автор мемуаров отвергает виновность отца Жирара в интимной связи со своей подопечной, а автор романа, напротив, выносит их сексуальные отношения на первый план, общий смысл и значение эпизода и в том, и в другом случае сводятся к обличению религии и чудес, противоречащих здравому смыслу и природе человека.

Интерес представляют поясняющие названия главок, которыми буквально пестрит роман: на восьмидесяти страницах оригинала их ровно восемьдесят⁵. В них очень часто употребляются понятия, более присущие трактатам, нежели роману, такие как «размышление», «определение», «рассуждение», «наглядное доказательство». Отметим, что все теоретические труды д'Аржанса поделены на разделы и параграфы, также имеющие названия, которые весьма напоминают те, что мы видим в романе (ср. «Различные размышления о страстях», «О ревности» в «Мемуарах, служащих для истории ума и сердца»⁶ — и «Размышления Терезы о происхождении человеческих страстей», «Размышление о счастливой жизни» в романе; «В чем состоит истинное счастье» в «Философии здравого смысла»⁷ — и «Определение удовольствия и счастья», «Чтобы быть счастливым, должно способствовать счастью других» в романе). Общность названий подкрепляется тем, что почти все рассуждения Терезы уже были высказаны писателем на страницах его теоретических трудов, так что этот роман можно с полным правом отнести к разряду философских — в нем в доступной и концентрированной форме излагается содержание трех трактатов д'Аржанса⁸. Да и сам Тереза вполне соответствует тому образу философа, который рисует д'Аржанс в «Моральных и критических письмах»⁹: «Имя философа дается сегодня тому, кто показывает, что имеет особое и необычное мнение, — пишет автор, полагая, что настоящий фило-

соф, «стремящийся постичь истину», должен медленно продвигаться по своему пути. Тереза делится с читателем своими «необычными» размышлениями, к которым она пришла постепенно, шаг за шагом желая познать истину о себе. А то счастье, которое Тереза обретает с графом, является лишь иллюстрацией высказанного на страницах «Философии здравого смысла» тезиса: «Вообще самые счастливые и самые прочные страсти не являются результатом большой красоты, но результатом ума, который, будучи соединен с добрым сердцем, делает женщину достойной быть не только любимой, но даже уважаемой своим любовником»¹⁰.

Все это позволяет сделать вывод, что «Тереза-философ» является таким же художественным подкреплением философских идей маркиза д'Аржанса, как «Рене» — иллюстрацией размышлений Шатобриана о смутных страстях в «Гении христианства». Впрочем, это характерно и для других романов писателя («Еврейские письма», 1736; «Каббалистические письма», 1737; «Китайские письма», 1739), которые М. В. Разумовская справедливо называет «романами-трактатами», поскольку в них выражена философия автора, считавшего, что основными причинами несчастий людей являются предрассудки, навязанные догмы. Главная же роль в их уничтожении принадлежит наукам, основным прежде всего на эксперименте¹¹, роль которого в романе «Тереза-философ» играют как примеры из жизни, так и внимательное изучение героиней своих сексуальных инстинктов. «Мораль, утверждает он (д'Аржанс. — В. А.), должна соответствовать природе человека; подавление природных инстинктов неразумно и приводит к несчастью»¹². Именно таква основная мысль всех обращений Терезы к читателям, в которых она последовательно доказывает «зависимость психологии от физиологии, а морали — от общества»¹³. Таким образом, соответствие центральной идеи романа всему комплексу философских идей писателя лишней раз доказывает его авторство¹⁴.

Но вернемся к названиям главок, наиболее примечательными из которых являются те, что относятся к самой героине. Ж. Женетт пишет, что в повествованиях от первого лица названия глав, представляющие собой грамматически полные предложения, в которых используется третье лицо, иногда в большей степени, нежели общепринятые заглавия, определяют личность повествователя. Контрастируя с текстом, эти названия указывают на то, что повествование ведется от лица автора, а не героя-рассказчика¹⁵. Следует отметить, что

все названия главок в романе, касающиеся самой героини (а их 33, то есть почти половина), даны в третьем лице (например, «В одиннадцатый лет Терезу помещают в монастырь, где она впервые исповедуется») и совершенно определенно принадлежат не Терезе, но всезнающему автору, являясь, таким образом, его комментарием, излагающим основные идеи главок в кратких сентенциях. Третье лицо ставит барьер между автором и рассказчиком: Тереза лишь голос, озвучивающий мысли д'Аржанса. Героиня представляет собой экспериментальное поле для исследования человеческой природы, что характерно для философского романа.

Б. Успенский, выделяя «наименование как проблему точки зрения»¹⁶, указывает на то, что смена имени героя является одним из способов смены точки зрения, что мы и видим в романе д'Аржанса, в котором сочетаются объективная и субъективная (внешняя и внутренняя) точки зрения: в заголовках мы видим Терезу с позиции стороннего наблюдателя (автора), а в тексте мы сталкиваемся с точкой зрения самой героини. Эта двойственность придает объективности произведению в целом: Тереза служит лишь одним из возможных субъективных примеров общего закона человеческой природы. Названия главок, к тому же, четко разделяют рассказчика и героя: все главы, содержащие «размышления» и «наглядные доказательства», принадлежат Терезе-рассказчице (кроме тех случаев, когда их излагают другие герои), в остальных же главах мы видим героиню в процессе ее воспитания и формирования. Однако и в этих главах «двойной регистр» используется очень часто: рассказчица с высоты своего жизненного опыта постоянно комментирует заблуждения наивной героини.

Для романа «Тереза-философ» характерно многоголосье: в нем не только «звучат» разные голоса в результате того, что прямая речь явно превалирует, — в нем выражены разные точки зрения, поданные как равноправные, что делает это произведение полифоничным. Независимые точки зрения, дополняющие друг друга и способствующие воспитанию героини, принадлежат аббату Г***, Буа-Лорье и графу. Все эти персонажи, от лица которых в различных частях текста ведется повествование, размышляют над природой человека. Аббат, рассуждая об обществе, религии и Божественной воле, делает вывод, что наслаждения, которыми они с госпожой де С*** предаются, «являются чистыми и невинными, поскольку они не оскорбляют ни Бога, ни людей» (622), ибо все наши поступ-

ки определяются волей Бога (617). Слова аббата заставляют Терезу впервые в жизни задуматься (614) и убеждают ее в законности влечений плоти. Пример Буа-Лорье заставляет Терезу размышлять об отношениях между мужчиной и женщиной, о том образе жизни, который ей следует выбрать и который перед ней открывается благодаря встрече с графом. Граф доказывает Терезе, что душа не властна над нашими поступками, поскольку ее движения зависят от устройства человеческого тела (650—653). Три представленные в романе точки зрения следуют друг за другом по принципу тезис — антитезис — синтез: философское оправдание телесных наслаждений, не нарушающих общественных устоев; природные отклонения, нарушающие общественный порядок; доказательства зависимости души от тела и провозглашение законности удовольствий, стремление к которым вложено в человека самим Богом. Роман завершается рассуждением героини, в котором она подводит логический итог своему жизненному опыту, утверждая, что «принципы, содержащиеся в этой книге, должны способствовать счастью людей» и дает краткое изложение основ своей жизненной философии. Тереза не только синтезирует и резюмирует все то, что слышит от других, но присоединяет к этому свой личный опыт, — то, что ей довелось увидеть и пережить и что сделало ее настоящим философом, способным к всестороннему анализу и глубокому обобщению, соединяя таким образом практику и теорию.

Тереза не просто вспоминает — она анализирует: осознает прошлое через призму сегодняшнего дня. Исключение составляют те сцены, свидетельницей которых она была и о которых она повествует с сиюминутной непосредственностью. Подобно персам Монте-скье, Тереза открывает новый для себя мир, познает неведомое с увлеченностью и восторгом неопита.

Повествование в романе построено на чередовании замедления и ускорения. Любовные утехи описаны рассказчицей в мельчайших подробностях, при этом простота и невинность героини дают возможность писателю детально изобразить эротические сцены, не прибегая к откровенной лексике, что позволяет на самом деле смаковать каждую деталь. Замедления представлены также и многочисленными рассуждениями, занимающими большую часть текста. Промежутки между «наглядными доказательствами» интереса не представляют, а потому целые годы в повествовании опускаются. Таким образом, в очередной раз оправдывается сказанное Терезе

зой во вступлении: ее интересуют «поступки» и «размышления» — именно на них задерживается внимание и рассказчицы, и читателя. В романе мы находим только то, что имеет отношение к познанию власти плоти и страстей, но ни одного хотя бы даже мимолетного упоминания о других аспектах жизни. Это роман воспитания, следящего узкой колеей сексуального опыта, который ведет героиню к познанию природы человека.

Первые воспоминания Терезы относятся к семилетнему возрасту, когда она впервые осознает власть темперамента, которая активно проявляется двумя годами позже во время игр с другими детьми. Затем, в одиннадцать лет, мать помещает ее в монастырь, где она всеми силами пытается бороться со своей плотью и становится примером добродетели. В этой борьбе с властными требованиями своей природы она слабеет и чахнет, и так продолжается до двадцати трех лет, когда ее забирают из монастыря. Но и дома Тереза пытается бороться со своим темпераментом с помощью «поста, власяницы и медитаций», которые выводят из строя ее «машину», разрушив «темперамент, так же, как и здоровье» (581).

Отметим, что сравнение тела с машиной не раз встречается на страницах произведения, что вполне характерно для духа времени: знаменитый трактат Ламетри «Человек-машина» (1747) вышел всего за год до первого издания романа.

Находясь почти при смерти в результате бесплодной борьбы со своими природными наклонностями, Тереза начинает мечтать о том, что происходит на ее глазах между отцом Диррагом и Эрадис, и машинально доставляет себе удовольствие, которые продолжает считать греховными вплоть до знакомства с госпожой де С*** и аббатом Т***. Последний уверяет ее, что «требования темперамента так же естественны, как голод или жажда». Рассуждения ее новых учителей, равно как и их личный пример, дают мощный толчок ее последующим размышлениям и являются определяющими для ее философских взглядов. На этом периоде своей жизни Тереза останавливается особенно подробно (584–624) ввиду его особого для нее значения. Это самое большое замедление в романе, когда о нескольких неделях рассказывается так, как будто прошли целые годы.

Далее события развиваются в нарастающем темпе: смерть матери, знакомство с бывшей куртизанкой Буа-Лорье, ее уроки, и, наконец, встреча с графом, кардинально меняющая жизнь героини. После знакомства с ним время расписывается по месяцам и

по дням. После месяца ежедневных встреч граф предлагает Терезе уехать с ним в свое поместье (649), где в течение двух месяцев пылается delicatно преодолеть сопротивление девушки с помощью рассуждений, эротических книг и гравюр. Все это производит желаемое действие (655–657), после чего следуют десять лет наслаждений. Об этих десяти годах не говорится ничего, поскольку для Терезы они не представляют особого интереса: воспитание героини завершено.

Воспоминания героини строятся по событийному типу¹⁷, Тереза повествует лишь о «ярких» и «важных» событиях своей жизни, которые являются для нее одновременно «переломными» и «характерными». Таковы все вставные истории, способствующие формированию героини, а потому включенные в ее «Я — схему»¹⁸, которые, равно как и завершающая формирование героини встреча с графом, последовательно ведут ее к познанию своего «темперамента и власти тела. Хронология событий определяется развитием ее чувственности, пробуждение которой является основной подзаказкой для реконструкции прошлого, от первых неосознанных инстинктов через познание власти наслаждений на чужих примерах к обретению счастья, основанного на гармонии тела и духа.

В воспоминаниях Терезы яркие эмоциональные сцены чередуются с объяснительным или аргументативным текстом («рассуждения»), и побудительным, когда Тереза обращается к «глупым смертным» (576), «невежам» (657) или «теологам» (581), пытаясь убедить их в истинности своей жизненной философии. Основные идеи автора не только подробно объясняются и доказываются (такие обороты, как «я вам обещаю объяснить», «вы, конечно, правы», «следовательно, очевидно, что...», «сделаем вывод», равно как и риторические вопросы и применение настоящего времени, характерны для романа), но читатели призывают следовать им в своей жизни, для чего используется грамматическое второе лицо, обращения, восклицательные предложения. Наличие этих трех типов текста (объяснительного, аргументативного и побудительного) скорее характерно для теоретических работ, нежели для романа, лишней раз подтверждает желание автора в доступной форме донести до читателей свои философские взгляды.

Таким образом, можно утверждать, что маркиз д'Аржанс пишет роман философский, где он излагает свои материалистические взгляды на природу человека на примере Терезы, которая наблю-

дает, размышляет и делает выводы как настоящий философ. Геройня является экспериментальным полем для исследования природы человека — одной из наиболее важных проблем философии Просвещения, что и объясняет определенную условность образа (мы знаем о ней только то, что имеет отношение к ее темпераменту), несмотря на всю его яркость и неординарность.

В центре внимания автора находится человеческий организм — «машина», механизм которой построен и налажен самим Господом Богом, а посему все его требования являются законными и справедливыми, если они согласуются с правилами общественного поведения. Тематика романа предельно сужена — в нем строго проведена одна-единственная сюжетная линия, которой подчинена вся структура произведения, заявленная в самом начале: жизненный опыт и размышления ведут героиню к блаженству. Цель романа — заставить отказать от вредных суеверий, уродующих душу и тело. В данном случае мемуарная форма преследует чисто философские цели: личный пример Терезы, ее эмоциональные обращения к читателям призваны реабилитировать человеческую природу и показать путь к счастью.

Примечания

¹ *Argens, marquis de. Thérèse philosophe ou Mémoires pour servir à l'histoire du père Dirrag et de mademoiselle Eradice // Romans libertins du XVIII siècle. P.: R. Laffont, 1993. P. 575.* В дальнейшем ссылки на это издание см. в тексте (страница издания в скобках).

² *Trousson R. Introduction // Ibid. P. 566.*

³ *Ibid. P. 566.*

⁴ *Argens, marquis de. Mémoires. Londres, 1735. P. 173.*

⁵ Отметим, что факсимильное издание романа, вышедшее в Женеве в 1980 и повторяющее анонимное издание 1780 г. (*Thérèse philosophe. Genève-Paris: éd. Slatkine, 1980*), не имеет деления на главы.

⁶ *Argens, marquis de. Mémoires pour servir à l'histoire de l'esprit et du coeur. La Haye, 1744.*

⁷ *Argens, marquis de. La Philosophie du bon-sens ou Reflexions philosophiques sur l'incertitude des connoissances humaines: In 2 t. Dresde, 1754.*

⁸ Что является еще одним доводом в пользу того, что автором произведения является д'Аржанс.

⁹ *Argens, marquis de. Lettres morales et critiques... P. 124–125.*

¹⁰ *Argens, marquis de. La Philosophie du bon-sens... P. 275.*

¹¹ См. об этом подробнее: *Разумовская М. В. Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. С. 66–75.*

¹² Там же. С. 73.

¹³ Там же. С. 74.

¹⁴ Об авторстве и дате выхода романа продолжают спорить. (См.: *Trousson R. Introduction // Romans libertins du XVIII siècle. P. 562; Dupriol J. Présentation // Thérèse philosophe. Genève-Paris: Ed. Slatkine. P. I–XXXI.*) Однако общность идей и сюжетов романа, трактатов и мемуаров свидетельствует в пользу авторства маркиза д'Аржанса.

¹⁵ *Genette G. Seuil. P.: éd. Du Seuil, 1987. P. 278.*

¹⁶ *Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. С. 40–59.*

¹⁷ Психологи выделяют память «событийную» — когда воспоминания представляют собой цепь событий, и «этапную», при которой жизнь делится на более или менее длинные периоды.

¹⁸ Термин, принятый в психологии: «Я-схема» личности содержит информацию обо всем наиболее важном для каждого человека. См. *Нур-Юова В. В. Совершенное продолжается. М.: УРАО, 2000. С. 36.*